

Научная статья
УДК: 343.985

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУБЛИЧНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Кристина Владимировна Сечина

Рязанский филиал Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя, г. Рязань, Российская Федерация, sechina94@internet.ru

Аннотация. Глобальная информатизация и всеобщий доступ к информационно-телекоммуникационным ресурсам, включая сеть «Интернет», оказывают двойственное влияние на жизнь общества. С одной стороны, они стимулируют развитие всех сфер общественной жизни, а с другой – формируют предпосылки для перехода преступной деятельности в цифровую среду, создавая новые возможности для совершения преступлений. В научной статье приводятся статистические данные, свидетельствующие об увеличении фактов публичного распространения заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности, что порождает необходимость изучения элементов криминалистической характеристики данных преступных посягательств.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, заведомо ложная информация, следователь.

Для цитирования: Сечина К. В. Некоторые особенности криминалистической характеристики публичного распространения заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2026. Т. 38. № 2. С. 151–160.

SOME FEATURES OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF THE PUBLIC DISSEMINATION OF KNOWINGLY FALSE INFORMATION IN THE SPHERE OF PUBLIC SAFETY

Christina V. Sechina

Ryazan Branch of Moscow University of the MIA of Russia named after
V.Y. Kikotya, Ryazan, Russian Federation, sechina94@internet.ru

Abstract. Global digitalization and universal access to information and telecommunication resources, including the Internet, have a dual impact. On the one hand, they stimulate the development of all spheres of public life, and on the other, they create prerequisites for the transition of criminal activity into the digital environment, generating new opportunities for committing crimes. The scientific article provides statistical data indicating an increase in cases of public dissemination of knowingly false information in the sphere of public safety, which necessitates the study of elements of the forensic characteristics of these criminal offenses.

Keywords: forensic characteristics, knowingly false information, investigator

For citation: Sechina K. V. Nekotoryye osobennosti kriminalisticheskoy kharakteristiki publichnogo rasprostraneniya zavedomo lozhnoy informatsii v sfere obshchestvennoy bezopasnosti [Some features of the forensic characteristics of the public dissemination of knowingly false information in the field of public safety]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2026, vol. 38. no. 2, pp. 151–160 (in Russ.).

Введение

Динамика современного общественного развития сопряжена с появлением новых угроз безопасности граждан и государственному суверенитету. Наряду с классическими уголовно наказуемыми деяниями, к числу которых относится, например, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, под противоправное воздействие все активнее попадают иные сферы, обеспечивающие безопасность социума. Речь идет о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, а также стабильном функционировании институтов власти, коммерческих и некоммерческих организаций. Данная тенденция вызвала объективную потребность в создании адекватных мер уголовно-правового реагирования. Так, в 2020 году, в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции, в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) была включена статья 207.1, устанавливающая санкции за публичное распространение заведомо недостоверных сведений об обстоятельствах, создающих угрозу жизни и здоровью населения. В дальнейшем для противодействия распространению заведомо ложной информации, способной повлечь тяжкие последствия, законодательство было дополнено статьей 207.2. УК РФ. Событием, спровоцировавшим новый виток противоправной активности, стало объявление 24 февраля 2022 года Президентом Российской Федерации В. В. Путиным о начале Специ-

альной военной операции на Украине. Это привело к всплеску случаев публичной диффамации в отношении действий Вооруженных Сил РФ, Росгвардии, иных государственных органов и добровольческих формирований. В ответ на данный вызов была разработана и введена статья 207.3 УК РФ, криминализирующая указанные действия в контексте СВО. Таким образом, новые составы преступлений были инкорпорированы в главу 24 УК РФ, дополнив собой группу однородных преступлений [1, с. 187].

Статистические данные демонстрируют следующую картину привлечения к уголовной ответственности за исследуемый период: по статье 207.1 УК РФ – 12 человек, по статье 207.3 УК РФ – 169 человек. Повышение эффективности противодействия данной категории преступлений настоятельно требует разработки специализированной частной методики их расследования. Ее ядром должно стать глубокое изучение элементов криминалистической характеристики. Грамотная интерпретация этих элементов предоставляет следователю возможность избрать наиболее рациональные следственные версии, тактические приемы и технические средства работы [2, с. 31]. Учитывая отсутствие на текущий момент фундаментальных научных изысканий в области криминалистической характеристики рассматриваемой группы преступлений, представляет-

ся необходимым проведение ее детального анализа.

Основная часть

Проведенный с 2020 по 2025 год анализ изучения 157 уголовных дел, возбужденных по факту публичного распространения заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности, позволяет раскрыть представление о структуре (элементах) криминалистической характеристики рассматриваемой группы преступлений.

Первый элемент – личность преступника. Анализ материалов уголовных дел, возбужденных по рассматриваемой группе преступлений показал, что публичное распространение заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности совершается мужчинами и только в 19 % случаев – женщинами. Изучение биографических данных лиц рассматриваемой категории позволяет констатировать, что в 88 % случаев возраст преступников составляет 30 и более лет. Лицами в возрасте до 29 лет рассматриваемые деяния совершаются примерно в 12 % случаев. Интересным с точки зрения криминалистики представляется анализ уровня образования лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по рассматриваемой группе преступлений. Исследование материалов уголовных дел, возбужденных по факту публичного распространения заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности показало, что из числа осужденных основное общее (в том числе неполное) и среднее общее образование имело менее половины (45%), остальные 55% преступников имело среднее профессиональное, высшее и дополнительное профессиональное образование. Данная закономерность, по нашему мнению, связана с тем, что лица, распространяющие заведомо ложную информацию, обладают не-

обходимыми знаниями, например, работы со средствами связи, программами. В части занятости лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, возможно отметить, что почти три четверти из них (71 %) не имело на момент совершения преступления постоянного места работы или являлись пенсионерами. 23 % субъектов преступлений являлись трудоустроенными, обладали статусом самозанятого. Это объясняется потребностью в социальной принадлежности (например, распространение заведомо ложной информации в социальных сетях придает чувство значимости) и избытком свободного времени.

Второй элемент – мотив. Мотив как элемент криминалистической характеристики публичного распространения заведомо недостоверной информации в сфере общественной безопасности, как отмечает Р. В. Кулешов, позволяет охарактеризовать криминалистически значимые качества (психологические, демографические) личности преступника для составления его криминалистического портрета и отграничения от потенциальных подозреваемых [3, с. 267].

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма совершается в большинстве случаев по следующим мотивам:

- хулиганские, детерминированные внезапно возникшими внутренними или внешними раздражителями (66 %);
- дестабилизация деятельности органов власти (10 %);
- корыстный (9 %);
- вызвать общественный резонанс (5 %);
- выдвижение требований (10%).

Мотивами совершения преступления по ст. 207.1, 207.2, 207.3 УК РФ выступают:

– политические разногласия, возникающие в сфере государственного управления (73 %);

– дестабилизация, устрашение общества (27 %).

Следовательно, криминалистические значимые черты личности преступников, совершающих распространение заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности, имеют существенные расхождения, обусловленные различиями в мотивах их совершения.

Личность преступника и мотив являются центральными, системообразующими элементами криминалистической характеристики. Их ключевое значение обусловлено тем, что они находятся в тесной взаимосвязи с другими ее структурными компонентами и позволяют выдвинуть обоснованные предположения об остальных элементах. По этой причине в предлагаемой системе криминалистической характеристики преступлений, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности, именно они занимают первостепенное место.

Третий элемент – способ. Проведенный анализ материалов уголовных дел позволяет выделить два способа совершения преступлений рассматриваемой группы: непосредственный и опосредованный. К непосредственным способам относятся:

– публичное распространение заведомо ложной информации в ходе проведения бесед, встреч, собраний (5 %);

– распространение не соответствующей действительности информации путем проведения онлайн-трансляций, конференций, вебинаров в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (7 %);

– совершение конклюдентных действий, направленных на публич-

ное распространение заведомо ложной информации (демонстрация плакатов, изображений, ношение одежды с элементами недостоверной информации и т.д. – 3,87 %).

К опосредованным способам относятся:

– распространение заведомо ложной информации посредством размещения в социальных сетях, каналах мессенджеров, открытых (закрытых) группах (42 %);

– рассылка электронных сообщений (34 %);

– распространение на бумажных и иных носителях в общественных местах (8,13 %) [5, с.9].

Лица, совершающие публичное распространение заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности, принимают меры по сокрытию своей преступной деятельности. Во-первых, это выражается в использовании специализированного программного обеспечения, позволяющего применять искусственный интеллект для формирования содержательной части ложного сообщения в целях затруднения проведения лингвистических экспертиз (27 %). Во-вторых, правонарушителями используются средства маскировки «фейковых» сведений в целях придания им признаков подлинности и правдивости. К ним относятся программы «Photoshop» или аналогичные, а также более современные инструменты, например, «DeepFake», способные создавать реалистичный видеоряд с использованием цифрового двойника – виртуальной копии реально существующего (существовавшего) человека (34 %). В-третьих, часто используют технологии подмены номеров, IP-телефонии; сервисы сокрытия цифровых следов: VPN-серверы и прокси-серверы (39 %).

Четвертый элемент – обстановка. Рассматривая сведения об обстановке совершения преступления,

следует отметить, что местом публичного распространения заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности выступают:

- общественные места (аэропорты, вокзалы, магазины, интернет-кафе и т. д.) – 36 %;
- помещения типографии, телестудии – 18 %;
- жилое помещение – 46 %.

География совершения преступлений рассматриваемой группы показывает, что преобладающее большинство их совершается в южных регионах России (Республика Дагестан, Республика Крым). По нашему мнению, причиной тому является экономическая нестабильность, которая порождает чувство тревоги и несправедливости, что создает плодородную почву для распространения заведомо ложной информации.

Пятый элемент – орудия и средства. Орудия и средства неразрывно связаны со способами распространения заведомо ложной информации и обстановкой, в которой действует преступник.

В качестве орудий и средств распространения заведомо ложной информации об акте терроризма выступают стационарные телефоны, расположенные в общественных местах (таксофоны) или по месту жительства (пребывания) преступника, а также по месту его работы либо в связи с осуществлением трудовых функций. Орудиями и средствами совершения преступления могут выступать средства мобильной связи или иные специальные технические устройства, позволяющие осуществить звонок посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (IP-телефония). Статистика показывает, что стационарные телефоны для распространения заведомо ложной информации используются все реже, примерно в 4 % случаев, в то время как посредством

мобильной связи совершается каждое второе преступление. Таким образом, именно сотовые телефоны являются основным средством, используемым при совершении преступлений рассматриваемой группы.

В свою очередь, орудиями и средствами публичного распространения заведомо ложной информации, образующей составы преступлений, предусмотренные статьями 207.1-207.3 УК РФ, в подавляющем числе случаев выступают социальные сети, а также бесплатные приложения для обмена информацией (WhatsApp, Telegram, MAX), видеохостинг YouTube и его аналоги. В таком случае реализация преступного умысла требует получение доступа к специальному техническому средству, обеспеченному доступом к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, установку необходимого программного обеспечения, а для распространения визуального (звукового) контента – оборудование, имеющее функции фото-видеозаписи и пр. В отдельных случаях орудиями и средствами распространения заведомо ложной информации выступают средства массовой информации вне зависимости от их вида (печатная продукция; средства телерадиовещания; информационные агентства).

Шестой элемент – следы. Использование рассмотренных орудий и средств неизбежно приводит к образованию цифровых следов. Как отмечает Е. Р. Россинская, эти следы представляют собой новый вид криминалистически значимой информации, которая фиксируется на компьютерных носителях [6, с. 7].

Исследуя понятие виртуального следа, А. Б. Смушкин обоснованно заключает, что к ним относятся следы любых действий, совершённых в информационном пространстве посредством использования цифровых устройств, систем и сетей. К таким

действиям относятся включение, создание, открытие, активация, изменение или удаление данных [7, с. 70].

Полагаем, что один из наиболее заслуживающих внимания подходов к определению криминалистической сущности цифрового следа изложен М. В. Кардашевской, которая отождествляет его с документом, хранящимся на любом, в том числе электронном носителе и обрабатываемом посредством использования вычислительной техники [8, С. 68–71].

Совершая публичное распространение заведомо ложной информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» путем размещения видеороликов, изображений, комментариев, фотографий и др., преступники оставляют следующие цифровые следы:

- истории посещения браузера (посещаемые сайты, форумы);
- локационные данные (данные GPS);
- Cookie-файлы (данные, аккумулирующиеся в памяти компьютера при посещении информационного пространства);
- IP-адрес (уникальная цифровая комбинация, которая присваивается мобильному телефону, компьютеру при каждом выходе в информационное пространство);
- сведения из мобильных приложений (сохранение трекеров (от англ. to track – «проследживать, оставлять след, намечать курс»), синхронизирующих данные о местоположении гаджетов и их перемещении [9, с. 179].

Помимо цифровых следов при совершении публичного распространения заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности, преступники оставляют материальные и идеальные следы. Ввиду того, что понятие и значение рассматриваемых следов достаточно подробно

рассмотрены в криминалистической литературе, остановимся на их классификации применительно к статьям 207–207.1 УК РФ [9, С. 190–198; 10, С. 58–66]. К материальным следам рассматриваемой группы преступлений относятся:

- следы – предметы (муляжи взрывных устройств, печатная продукция, содержащая заведомо ложную информацию и т. д.);
- следы – вещества (биологические следы человека);

К идеальным следам применительно к публичному распространению заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности относятся:

- показания родственников, друзей, которые могут охарактеризовать личность преступника;
- показания пользователей информационно-телекоммуникационной сети Интернет, которые ознакомились с содержанием заведомо ложной информации, обладают информацией о среде ее размещения (сайт, социальная сеть, мессенджеры);
- показания оперативных сотрудников, которые обнаружили факт распространения заведомо ложной информации (применительно к ст. 207.1–207.3 УК РФ).

Значимость перечисленных следов наглядно подтверждается следующим примером из судебной практики.

Так, гражданин Ф. разместил в своём аккаунте социальной сети «ВКонтакте» публичное обращение. В этом обращении содержалась информация, которая, как было ему известно, не соответствует действительности, и касалась она проведения Специальной военной операции.

В ходе производства расследования следователем были получены следующие доказательства:

– показания свидетелей, которые ознакомились с обращением;

– протоколы осмотра оптических дисков, содержащих информацию о профиле учетной записи гр. Ф. и размещенного обращения;

– заключения компьютерной, дактилоскопической судебных экспертиз, подтверждающие факты размещения обращения с заведомо недостоверной информацией с мобильного средства гр. Ф¹.

Вывод и заключение

Таким образом, криминалистическая характеристика служит вспомогательным инструментом для решения задач криминалистической деятельности [11, с. 31].

Формирование криминалистической характеристики публичного распространения заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности требует комплексного анализа присущих ей элементов. Только их совокупный учёт даёт возможность построить на начальном этапе расследования, несмотря на дефицит информации, целостную и значимую модель произошедшего.

Совокупность указанных элементов криминалистической характеристики образует методологический фундамент для расследования преступлений рассматриваемой группы.

¹ Решение по делу №1-418/2023 от 17 мая 2023 г. URL: [https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVVS/student/risk_management/Дело%201-4182023%20\(Статья%20207.3%20УК%20РФ\).pdf](https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVVS/student/risk_management/Дело%201-4182023%20(Статья%20207.3%20УК%20РФ).pdf) (дата обращения: 29.12.2025)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сечина, К. В. Тактика производства отдельных следственных действий по делам о распространении заведомо ложной информации в сфере общественной безопасности с использованием сети «Интернет» // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. Т. 32. № 4. С. 186–193.
2. Яблоков, Н. П. Криминалистика: учебник / 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма : ИНФРА-М, 2022. 400 с.
3. Кулешов, Р. В. Мотивация как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью // Общество и право : науч.-практ. журн. 2016. № 2 (56). С. 266–270.
4. Сечина К. В. Способы и средства публичного распространения дезинформации о деятельности Вооруженных сил Российской Федерации, федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, а также иных органов государственной власти, организаций и добровольческих формирований // в сборнике: XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: материалы Международной научно-практической конференции. – Калининград, 2025. – С. 101-102.
5. Россинская, Е. Р., Рядовский, И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–9.
6. Смушкин А. Б. Виртуальные следы в криминалистике // Законность. – 2012. – № 8(934). – С. 43–45.
7. Кардашевская М. В. Понятие и виды цифровых следов // Проблемы противодействия киберпреступности: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 28 апреля 2023 года. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. – С. 68–71.
8. Сечина К. В. Виды цифровых следов, оставляемых в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» при совершении деяний, предусмотренных статьями 207.1-207.3 УК РФ // В сборнике: Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Сборник статей всероссийских научно-практических конференций. Орёл, 2025. С. 178-180.
9. Тимченко, Н. Н. Материальные следы преступления как места сосредоточения криминалистически значимой информации о совершении валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 28. № 4. С. 190–198;
10. Ревенко Н. И. Материальные и электронно-цифровые следы как элемент криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных способом «Ваш родственник попал в беду». Юридические исследования. 2024. № 8. С. 58-66.

REFERENCES

1. Sechina, Ch.V. Taktika proizvodstva otdel'nykh sledstvennykh deystviy po delam o rasprostraneni zavedomo lozhnoy informatsii v sfere obshchestvennoy bezopasnosti s ispol'zovaniyem seti «Internet» [Tactics for conducting individual investigative actions in cases on the dissemination of knowingly false information in the sphere of public safety using the "Internet"]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra: sb. nauch. tr.* Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii – Forensic science: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific works. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. Vol. 32. No. 4. Pp. 186–193. (in Russian).
2. Yablokov, N. P. *Criminalistics: textbook / 2nd ed., revised and enlarged.* Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 400 p. (in Russian).
3. Kuleshov, R. V. Motivatsiya kak klyuchevoy element kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy, svyazannykh s ekstremistskoy i terroristicheskoy deyatel'nost'yu [Motivation as a key element of the forensic characteristics of crimes related to extremist and terrorist activities]. *Obshchestvo i pravo : nauch.-prakt. zhurn. – Society and Law: scientific and practical journal.* 2016. No. 2 (56). Pp. 266–270. (in Russian).
4. Sechina, Ch.V. Sposoby i sredstva publichnogo rasprostraneniya dezinformatsii o deyatel'nosti Vooruzhennykh sil Rossiyskoy Federatsii, federal'noy sluzhby voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, a takzhe inykh organov gosudarstvennoy vlasti, organizatsiy i dobrovol'cheskikh formirovaniy [Methods and Means of Public Dissemination of Disinformation about the Activities of the Armed Forces of the Russian Federation, the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation, as well as Other State Authorities, Organizations, and Volunteer Formations]. In: XIII Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium": materials of the International Scientific and Practical Conference. – Kaliningrad, 2025. – Pp. 101-102. (in Russian).
5. Rossinskaya, E. R., Ryadovskiy, I. A. Kontseptsiya tsifrovyykh sledov v kriminalistike [The concept of digital traces in forensic science]. *Aubakirovskiy chteniya: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (19 fevralya 2019 g.) – Aubakirov Readings: materials of the International Scientific and Practical Conference (February 19, 2019).* Almaty, 2019. Pp. 6–9. (in Russian).
6. Smushkin A.B. Virtual'nyye sledy v kriminalistike [Traces in Forensic Science]. *Zakonnost – Legality.* 2012. No. 8(934). Pp. 43-45. (in Russian).
7. Kardashevskaya M.V. Ponyatiye i vidy tsifrovyykh sledov [Concept and Types of Digital Traces]. *Problemy protivodeystviya kiberprestupnosti: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii – Problems of Countering Cybercrime: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 28, 2023. – Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2023. – Pp. 68-71. (in Russian).*
8. Sechina Ch.V. Vidy tsifrovyykh sledov, ostavlyayemykh v informatsionno-telekommunikatsionnoy seti «Internet» pri sovershenii deyaniy, predusmotrennykh stat'yami 207.1-207.3 UK RF [Types of Digital Traces Left in the Information and Telecommunications Network "Internet" during the Commission of Acts Provided for by Articles 207.1-207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. V sbornike: *Ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye problemy bor'by s prestupnost'yu. Sbornik statey vserossiyskikh nauchno-prakticheskikh konferentsiy – In: Criminal*

Procedural and Forensic Issues in Combating Crime. Collection of Articles from All-Russian Scientific and Practical Conferences. Oryol, 2025. Pp. 178-180. (in Russian).

9. Timchenko, N. N. Material'nyye sledy prestupleniya kak mesta sosredotocheniya kriminalisticheskoi znachimoy informatsii o sovershenii valyutnykh operatsiy po perevodu denezhnykh sredstv v inostrannoy valyute ili valyute Rossiyskoy Federatsii na scheta nerezidentov s ispol'zovaniyem podlozhnykh dokumentov [Material Traces of a Crime as a Focus of Forensically Significant Information on Committing Currency Transactions for Transferring Funds in Foreign Currency or the Currency of the Russian Federation to Accounts of Non-Residents Using Forged Documents]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra: sb. nauch. tr. Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii – Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow: Collection of Scientific Works. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 28. No. 4. Pp. 190–198; Revenko N.I. Material and Electronic-Digital Traces as an Element of the Forensic Characterization of Frauds Committed by the Method "Your Relative is in Trouble". Legal Studies. 2024. No. 8. Pp. 58-66. (in Russian).*

10. Yablokov, N. P. *Criminalistics: textbook / 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 400 p. (in Russian).*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сечина Кристина Владимировна, преподаватель кафедры криминалистики. Рязанский филиал федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя». 390043, Российская Федерация, г. Рязань, ул. 1-ая Красная, д. 18.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Christina V. Sechina, lecturer, Department of Criminalistics Ryazan branch of the federal state educational institution of higher education «Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikoty». 18, 1st Krasnaya St., Ryazan, Russian Federation, 390043.